

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**

Сергей ЗВЕРЕВ
**СИРИЙСКИЙ
ДЕСАНТ**

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев
Сирийский десант

«Научная книга»

2012

Зверев С. И.

Сирийский десант / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2012 — (Спецназ ВДВ)

Много лет назад майор Андрей Лавров и его друг и сослуживец Дениз Бахтияров были влюблены в одну женщину – Анну Стрельцову. Но случилось так, что молодая женщина остановила свой выбор на Бахтиярове. Молодые люди поженились и уехали в Сирию. Прошли годы. В охваченной огнем Сирии дурную славу завоевал кровожадный повстанец по кличке Шайтан, командующий так называемым «эскадроном смерти». Он убивает не только коренных жителей страны, но и серьезно угрожает жизни российских граждан, проживающих в Сирии. Майор Лавров и его группа спецназа ВДВ получает задание отправиться в Сирию и уничтожить «эскадрон смерти» вместе с его главарем. Лаврова предупреждают: под кличкой Шайтан скрывается тот самый Бахтияров. Но офицер не верит, что его бывший друг способен убивать мирных людей...

© Зверев С. И., 2012

© Научная книга, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Зверев

Сирийский десант

Глава 1

Разные люди одни и те же пейзажи видят не одинаково. Смотрят вроде бы на одно, но видят каждый свое. Турист любит горными кряжами, прислушиваясь к шуму бурной речушки, извивающейся, пенящейся между камнями, и разобьет он свою палатку там, где виды окажутся самыми красивыми. Художник же сразу прикинет, в какое время суток наиболее выгодно лягут светотени, оживив скалистый склон, и примется искать место, где поставить этюдник. У всякого профессионала глаз наметан на свое, а потому Андрей Лавров смотрел на Богосский хребет из окна командирского «УАЗа» глазами военного. Машина в составе колонны из пяти тентованных грузовиков следовала по горному серпантину, проложенному вдоль горного хребта. Натужно гудели моторы, автомобили преодолевали путь от Токох-Кули до Эчеда километр за километром.

В горном Дагестане не бывает прямых дорог. Путь здесь стоит мерить не километрами по карте, а временем, которое придется провести в пути. Но, даже рассчитав маршрут по минутам, нельзя быть уверенным, что прибудешь в его конечный пункт вовремя. Всякое может случиться...

Лавров изредка бросал косые взгляды то на одно свое плечо, то на другое. Словно не мог до сих пор поверить, что вместо капитанских четырех маленьких звездочек на погонах теперь по одной, зато больших – майорских. Голубой десантный берет Андрея лежал у него на коленях. Попутчик Лаврова капитан Бахтияров шурился от яркого солнца, заливавшего своим сиянием горный кряж. До недавнего времени оба они, офицеры-десантники, прослужившие вместе два года в Поволжье в одной части, командовали ротами. Много им пришлось пережить, разные были командировки, не одну горячую точку пришлось пройти. И не все товарищи вернулись из них живыми. Лавров сейчас чувствовал себя немного неловко за то, что получил повышение в звании и должность комбата раньше, чем его сослуживец. Заслуг перед страной и родными ВДВ хватало и у одного десантника, и другого, но случилось так, что Андрей получил майора раньше. Звание присваивается приказом, а приказы в армии не обсуждаются и не оспариваются.

– Теперь у тебя, Андрей, стало больше шансов, – негромко после продолжительного молчания произнес капитан Бахтияров и прямо глянул на приятеля своими удивительными глазами. Один был пронзительно голубой, второй – зеленый. Голубой глаз смотрел спокойно, а вот в зеленом словно чертики прыгали.

Майор Лавров подобрался, поняв, что сейчас предстоит непростой разговор. Дело было в том, что пошел вот уже третий месяц, как они оба ухаживали за одной и той же женщиной – молодым хирургом Анной Стрельцовой. А та, умевшая творить чудеса на операционном столе, возвращавшая скальпелем прежний облик обезображенным осколочными ранениями солдатским лицам, и с молодыми офицерами творила чудеса, правда, другого рода. Умом Лавров понимал, что стоит держаться от ее красоты подальше, что лучше уступить дорогу другу, но стоило ему увидеть Анну, услышать ее голос, как рассуждать здраво он уже не мог. Говорил тривиальные комплименты, путался в них, а Стрельцова словно подзадоривала его, испытывала на прочность, флиртowała с Бахтияровым. Причем не пряталась, а делала это открыто, раздавая авансы и одному, и другому.

«Ну вот, – подумал Лавров. – Может, оно и к лучшему. Раньше или позже этот разговор должен был случиться».

– Ты о чем, Денис? – спросил он, все же пытаясь сделать вид, что не догадывается, о ком и о чем сейчас пойдет речь.

– Меня не Денисом зовут, – напомнил Бахтияров, и его зеленый глаз недобро блеснул. – Мое имя – Дениз. Это татарское имя, тюркское. А Денис – так у русских принято. А я татарин.

Лавров вздохнул:

– Извини, что оговорился, но раньше ты и на Дениса охотно отзывался. В следующий раз учту.

– У тебя, Андрей, теперь больше шансов. При прочих равных составляющих Анна, конечно же, майора капитану предпочтет, – Бахтияров криво улыбнулся. – Так что в нашем случае я отступаю, чтобы избежать поражения. Она твоя.

– Не дури, Дениз, нам давно надо было прийти к ней и прямо спросить, а то и ее, и себя мучаем.

– Поздно уже, – нехорошая улыбка не сходила с губ Бахтиярова. – Лучше подумай, чем займешься, когда придет время в отставку выходить, на пенсию. Семья – это серьезно. А служить в армии тебе не вечно, нужно цель в жизни иметь. Так что подумай, чем потом займешься. Даже полковничьей пенсии на красивую жизнь не хватит. А Анна любит красиво жить, по ней видно.

– До моей отставки еще дожить надо, – опрометчиво произнес Лавров. – А потому...

Договорить он не успел. На другой стороне неширокого ущелья над скалой поднялось облачко дыма, послышались хлопок и нарастающий свист. Сколько раз в жизни уже приходилось Лаврову слышать этот звук! Громыкнуло. Брызнул камень, разлетелись осколки. Головной грузовик еще прокатился по инерции, но из-под сорванной крышки капота уже вырывались языки пламени.

Молоденький сержант, сидевший за рулем командирского «УАЗа», вдавил тормоз и остановил машину в нескольких сантиметрах от фаркопа замершего впереди «Урала».

Лавров повернул голову, наперед зная, что увидит: тактика обстрела автоколонн на горной дороге всегда одинакова. На изогнутой дугой дороге просматривался замыкающий грузовик. Его водитель лихорадочно, неровно сдавал задним ходом, пытаясь увести автомобиль за поворот, но плохо ладил с управлением. Заднее колесо соскользнуло с дороги, повисло над ущельем. В этот момент вновь ухнуло из-за скалы, вновь раздался нарастающий свист. От близкого взрыва занялся огнем брезентовый тент. Бойцы выбирались из охваченной огнем машины, зависшей задним бортом над пропастью. А из-за скал уже трещали, сверкали вспышками автоматы.

Укрывшийся по ту сторону неглубоко ущелья минометчик методично накрывал минами колонну. Лишних залпов не делал, ведь наверняка до этого пристрелялся. Лавров и Бахтияров метались между машинами, срочно организовывая оборону. Было понятно, что подвела разведка, прозевавшая появившихся вблизи Богосского хребта боевиков. Ведь перед выездом майора Лаврова заверили, что маршрут безопасен. Появились ли по ту сторону ущелья чеченские сепаратисты или же по ним сейчас стреляли боевики местного разлива, уже не имело значения.

– Ложись!

Лавров бросился плашмя, когда миномет свистнул в очередной раз, нервно ругнулся матом, глядя на то, как запылал еще один грузовик. Бойцы неорганизованно покидали его через задний борт, рискуя сорваться на крутом каменистом склоне. Андрей вскочил на колесо и стропорезом полоснул брезент тента:

– Сюда... вашу мать! – крикнул он. – Не хрен под пули головы подставлять!..

– Занять круговую оборону! – надрываясь, кричал где-то рядом Бахтияров.

Выстрелы уже звучали с обеих сторон. Лавров увидел, как покачнулся радист с громоздкой ранцевой рацией на спине, нелепо взмахнул руками и покатился вниз по склону. Пока он

не ударился о камень и не замер, его провожали фонтанчики врезавшихся в каменистую почву пуль. Спрятавшийся по ту сторону ущелья автоматчик для надежности еще дал очередь по оставленному личным составом грузовику. В крыле «Урала» зачернели пулевые отверстия.

Пылали три из пяти грузовиков, пар валил из-под простреленного капота подбитого командирского «УАЗа». Паника, поначалу возникшая среди практически необстрелянных бойцов, была грамотно подавлена Бахтияровым и Лавровым в самом зародыше. Все бойцы уже покинули грузовики и заняли оборону.

– Видал, – проговорил Лавров, – на что нацелились? – и указал взглядом на два грузовика в середине колонны, груженные боеприпасами к минометам. – Знают, гады, что в них, а потому и не поджигают.

Бахтияров кусал нижнюю губу, шурил свои разноцветные глаза. Стрельба продолжилась, но уже не так ожесточенно.

– Не стрелять! Экономить боеприпасы! – крикнул майор.

– Лучше бы там были патроны к автоматам, – тихо произнес капитан. – Долго нам не продержаться. Разве что попробовать прорваться за поворот дороги, укрыться за отрогом, пока они нас не окружили?

– Не удастся, – прикинул Андрей. – Всех уложат. Мы здесь как на ладони. Внизу ущелье, вверху скалы. А эту дорогу они заранее пристреляли. Даже если мы и вырвемся, им что – грузовик с минометными снарядами в подарок оставить? Они же потом из них скольких наших уложат.

На другой стороне ущелья наметилось оживление. Энергичнее застучали автоматные очереди, десантникам пришлось вжиматься в землю.

– А они патронов не жалеют, – нерадостно констатировал Бахтияров.

– Готовятся ближе подойти.

Предположение Лаврова оказалось верным. Под прикрытием огня двое боевиков предприняли попытку приблизиться к расстрелянной колонне, перебегая от скалы к скале. Майор вскинул автомат, одиночным выстрелом снял бородатого смельчака в кожаной куртке. Тот рухнул и покатился вниз по склону. Его товарищу больше повезло – Бахтияров только ранил его, и боевик, извиваясь ужом, оставив на месте ранения пятно крови, заполз между камней и притаился.

И одной, и второй воюющей стороне стало ясно, что завязалось позиционное противостояние. Вот только преимущество в нем было на стороне боевиков. Время играло им на руку, позиция у них была лучше, да и боеприпасов у них имелось больше.

– Не наш сегодня день, – медленно проговорил Лавров, вглядываясь в позиции противника.

– Радист, похоже, погиб, рация потеряна, – согласился Бахтияров. – Так что помощь нам не вызвать. Хватятся нас только после заката, когда колонна в Эчеда не прибедет. А по темноте вертушки не прилетят.

– Не прилетят, – кивнул Андрей. – А вот эти ночью легко обойдут нас с тыла.

Вновь ухнул миномет. Каменные осколки засвистели над головами. Ударили автоматы. На этот раз боевики лишний раз не рисковали. Стало видно, что их огневые позиции сместились вдоль склона.

– Точно, обойти норовят. И что делать будем?

– Если сзади нас окажутся, мы не сумеем укрыться.

Лавров с Бахтияровым переговаривались тихо, чтобы никто из бойцов их не слышал. И тут Андрей заметил, что радист, по-прежнему лежавший в ущелье возле камня, жив, пришел в себя и пытается ползти, при этом тащит за собой и рацию. Пока его никто из боевиков не видел, но было понятно, что доползти к своим ему точно не дадут. Майор отчаянно махнул

рукой, мол, замри, притворись мертвым. То ли радист понял знак, то ли силы у него кончились, но в любом случае он замер, уткнувшись лбом в землю.

Лавров, как говорится, кожей чувствовал, что его толком необстрелянные десантники недоумевают, почему командир медлит отдать приказ пойти в атаку. Поднять их было бы легко – молодые не до конца понимают, что такое смерть, отваги хватает. Им кажется, они неуязвимые. А вот противники-боевики, скорее всего, в большинстве своем мужики лет под сорок, у которых семьи были или есть, которые жизнью своей дорожить научились. Десять раз подумают, прежде чем голову под пули подставлять, выжидать умеют.

– Эй! – донесся с другой стороны ущелья возглас. – Вам не выбраться отсюда. Бросайте оружие и уходите. А то мы пленных не берем.

Лавров еле сдержал себя, чтобы не выстрелить. Ему самому хотелось подняться сейчас в полный рост, но вместо этого приходилось вжиматься в каменистую землю.

– Может, время потянуть? Начать переговоры? – шепотом предложил Бахтияров.

– А толку от этого? – прищурился Андрей. – Пока разговоры разговаривать будем, они нас точно обойдут. Плохой твой план, капитан.

Скалы отбрасывали в ярком солнечном свете четкие тени, оттого весь мир казался поделенным на черное и белое. От горящих машин лениво тянулся шлейф дыма, накрывая склон горного кряжа. Пузырилась, потрескивала резина шин грузовиков.

– Эй! Вы там подумали? – вновь раздался с другой стороны ущелья вполне будничным голос.

– Слушай, давай раненых подберем! – стал торговаться с противником майор.

– У меня один раненый, а у тебя как минимум пятеро! – раздался в ответ возглас.

– Я ж и говорю – подберем!

– Когда оружие сложите, тогда и уносите своих раненых. – Для остротки со стороны противника пару раз ударил автомат. Пули подняли на сухой земле живописные фонтанчики. Лавров покрутил головой, глянул на Бахтиярова: – А подобрать надо. Остаешься здесь. Временно передаю командование тебе, капитан.

Андрей положил автомат на землю, поднялся в полный рост и продемонстрировал противнику пустые руки. Среди скал бликовала оптика, можно было не сомневаться: майора внимательно рассматривают. Также не оставалось сомнений, что его держат под прицелом.

– Сержант! – негромко позвал Лавров. – Бери еще двоих, и идем за ранеными. Только оружие оставить не забудьте.

– Давно бы так, – прозвучал с другой стороны голос. – Лучше быть живой собакой, чемдохлым львом!

Среди скал мелькнули две фигуры: боевики тоже отправились за своим раненым.

– Быстрей! – торопил своих Лавров.

Двое бойцов уже несли раненого в обе ноги десантника к машинам. Парень чуть слышно стонал. Левая ступня в берце болталась на сухожилиях и коже. Окровавленный обломок кости пробил камуфляж. Андрей с сержантом уже поднимали на руки бесчувственного водителя замыкающего колонну грузовика. Тот, раненный в грудь, лишь успел покинуть кабину, так и остался лежать у переднего колеса ничком. Камуфляж на спине уже дымился.

– Живой-живой! – радостно приговаривал Андрей, передавая раненого бойцам.

Боевики тем временем уже доставили своего товарища за скалы. Лавров решил рискнуть, он сбежал вниз к радисту. Тот только слабо мычал и благодарно смотрел на командира.

– Давай, давай! – Андрей подхватил его под руки и потащил наверх.

Боец продолжил сжимать ремень рации. Жестяной ящик волочился за ним по камням.

– Брось! – Майор видел, что рация уже «погибла», в ней густо чернели пулевые отверстия, под развороченной осколком рваной жостью торчали оборванные проводки.

Но бросить рацию парень не мог при всем желании: ремень был туго намотан на запястье. И тут хрупкое перемирие сторон было нарушено. Скорее всего, главарь боевиков решил, что рация еще может действовать, а вызов вертушек перечеркнул бы весь его успех. Со склона ударила автоматная очередь. Радист дернулся на руках Лаврова, кровь хлынула из простреленного горла. Андрея чудом не зацепило, он успел залечь. Теперь пули кромсали бездыханное тело радиста, стучали в рацию.

– Суки! – Лавров скрежетал зубами, понимая, что сам в какой-то мере стал причиной гибели молодого бойца, а тот уже, будучи мертвым, теперь защищал своего командира от смерти.

Андрей дотянулся до ремня автомата убитого, подтащил его к себе. Даже с предохранителя он не был снят, даже патрон не был дослан в патронник. Эх... Лязгнул затвор. Лавров тщательно прицелился и дал короткую очередь, целясь в огненные вспышки. Убитый стрелок выпустил оружие из рук и вывалился из-за скалы. Другие боевики не успели его подхватить. Тело, набирая скорость, покатилося вниз по склону.

Тут же с обеих сторон застрочили автоматы. Воздух наполнился свистом пуль. Лавров, поняв, что здесь ему уже нечего делать, побежал. Это был даже не бег, а чудеса эквилибристики. Андрей делал несколько прыжков, падал, затем откатывался в сторону, стреляя, вновь поднимался и прыгал...

Наконец Андрей оказался рядом с Бахтияровым.

– Я уж думал – все, не вернешься, – признался Дениз.

– Ты знаешь, я – тоже, – криво ухмыльнулся комбат. – Теперь с ними ни о чем не договоришься.

– Боеприпасы кончаются, а они нас постепенно обходят. Есть предложение!... – Бахтияров сверкнул своими разноцветными глазами.

Синий по-прежнему был спокоен, а вот в зеленом уже скакали чертики.

– Готов выслушать.

– Если мы не можем связаться по рации со своими, то надо послать человека.

– И человек этот?... – нахмурился Лавров.

– Я знаю все, что ты подумал, все, что ты скажешь. Я прикинул, и других вариантов нет. Ты – командир и должен остаться с бойцами. А вот я могу рискнуть. Боевого опыта у меня хватит, а кого другого посылать бессмысленно.

– Хочешь взобраться по склону на хребет и уйти за него? – прищурился майор. – Это же верная смерть. Ты все время будешь у них на виду. Они тебя расстреляют.

– Но шанс уцелеть есть. Ты же вернулся от радиста. А не рискну – шансов ни у кого не останется. Времени на раздумье нет. Скоро они сомкнут кольцо.

Решение так и не далось Лаврову. Но Бахтияров не стал ждать, пока командир даст добро.

– Прикрой, – только и сказал капитан, хлопнул на прощание Лаврова по плечу и пополз вдоль расстрелянной колонны машин.

Глава 2

Андрей не стал его останавливать, понимал, что на месте капитана сделал бы то же самое. Он приподнял автомат и скомандовал:

– Стрелять одиночными по огневым точкам. Отвлекать внимание противника, – и нажал на спусковой крючок.

Сделав первый выстрел, Лавров обернулся и затаил дыхание. Капитан уже петлял по склону. Преодолев метров сто крутого подъема, он спрятался за большой камень, в который тут же врезался с десятков пуль. Даже облачко каменной пыли повисло в воздухе.

– А дальше пойдет сложнее, – процедил сквозь зубы Андрей, выцеливая на склоне очередного боевика.

Бахтияров, каким-то чудом перебравшись с места на место, выскочил из-за другого камня. Сделав рывок, он упал на землю, перекатился и вжался в расщелину. Это произошло так быстро, что противник начал обстрел, когда уже было поздно – не достанешь смельчака.

«Молодец, Дениз», – мысленно похвалил капитана Лавров.

Однако теперь Бахтиярову перепрятаться не удалось бы. Он не был доступен для автоматного огня, зато пространство вокруг него простреливалось полностью. Надо было дать ему шанс на спасение. Андрей взял с собой двоих бойцов, и они поползли вдоль колонны. Дымились протекторы, едкая вонь горящей резины драла горло, но зато густой черный дым немного маскировал передвижение группы. Затаились у головной машины. Отсюда позиция боевиков уже просматривалась под углом, некоторых из них даже было видно из-за камней.

– Этот мой, – показал Андрей. – А вы берите тех, что левее. Стрелять одновременно, по моему сигналу.

Но прежде чем они открыли огонь, свистнул по-прежнему невидимый миномет. Взрыв гроыхнул на склоне, подняв белое облако пыли и дыма. Лавров напряженно всматривался в него. Наконец облегченно выдохнул. Бахтияров стремительно мелькнул между скал.

– Огонь! – скомандовал Андрей и нажал на спусковой крючок.

Из трех взятых на прицел боевиков двое были ранены. То обстоятельство, что десантники стреляли с новой позиции, а это могло означать, что прибыло подкрепление, внесло сумятицу среди боевиков. Пользуясь ею, капитан, уже не останавливаясь, побежал вверх по склону, почти не петляя. Бежал к острой грани скал, бритвой уходящих к небу. Лишь бы успеть совершить подъем, лишь бы уйти со смертоносной траектории полета пуль.

Лавров и его бойцы старались огнем загнать боевиков за скалы. И это им пока удавалось. Секунды, как казалось Андрею, тянулись долго, а Бахтияров в его восприятии двигался, словно снятый в рапиде. Однако вражеский минометчик не дремал. Ухнуло, свистнуло. Огромный столб дыма и пыли поднялся у самого верха горного края, накрыв собой капитана. Стрельба стихла сама собой, обе стороны выжидали, пока дым рассеется. Ветер понемногу сносил вдоль склона белесое облако. Но не успело оно уйти, как масса камней, потревоженных взрывом, ожила, сдвинулась. Обломки скальной породы, грохоча, поползли по склону и, дойдя до ложбины, замерли. Пыль и дым рассеялись. Бахтиярова видно не было: то ли успел перебраться на другую сторону хребта, то ли его засыпало оползнем. Скорее всего, второе. Уж очень близко от него, как это видел Лавров, лег минометный снаряд. Да и среди камней черной щепкой виднелся автомат. А представить себе, что Бахтияров живым расстался с оружием, майор не мог.

«Что ж, шансов у него было мало, хоть от этого и не легче», – подумал Андрей.

Времени на переживания не оставалось. Теперь приходилось думать о будущем зажатых между краем и ущельем бойцов. Боевики возобновили обстрел – методичный с редкими выстрелами. Стоило кому-нибудь из десантников приподнять голову, как он тут же попадал на прицел. Лавров морщил лоб. Он пытался придумать план отхода всем отрядом, желал совер-

шить невозможное. Ведь даже капитан Бахтияров под прикрытием, когда прицельный огонь велся из всех стволов, не сумел уйти по склону. Что уж тут говорить о паре десятков молодых бойцов, которым придется одновременно отходить и отстреливаться. Какой уж тут прицельный огонь? А вот боевики, напротив, могли зря патроны не тратить...

– Думай, думай... – шептал себе майор. – Вариант со склоном сразу отбрось.

Лавров усмехнулся, решение пришло к нему сразу, стоило только запретить себе думать о варианте с отходом через горный кряж.

– Все в машину! – крикнул он, показывая на ближайший из двух нетронутых обстрелом грузовиков с минометными снарядами.

Долго объяснять не пришлось, бойцы с ходу поняли план своего комбата. Боевикам нужны снаряды, значит, они станут обстреливать грузовик только в крайнем случае. Лавров грамотно организовал погрузку бойцов. Одна группа прикрывала огнем, другая забиралась в машину через разрезанный брезент. Сложней всего было с тяжелоранеными. Наконец и сам комбат оказался в кабине.

– Сынок, за руль на этот раз сяду я, – глянул он на бледного от волнения молоденького водителя. – Это приказ. И не потому, что ты плохо водишь.

Взревел мощный двигатель. Лавров дал вперед, толкнув обездвиженный командирский «УАЗ», а затем сдал назад.

– Держись!

Задним бортом грузовика Андрей врезался в обугленный капот подбитого «Урала», чей задний мост нависал над пропастью. Хрустнули доски, в кузове послышались крики. Заскрежетал металл. Машина нехотя подалась. Еще один удар, и обгоревший автомобиль качнулся, передний мост приподнялся над землей, машина сползла по склону, освобождая дорогу.

– Один готов! – крикнул Андрей, поддавая газу и отчаянно выкручивая руль.

Задний обзор в «Урале» и так не из лучших, в «слепую зону» и слона уместить можно, а теперь следить за серпантинном приходилось в расколотое, наполовину высыпавшееся зеркало заднего вида. Одно неверное движение, и машина вместе с людьми могла уйти в ущелье.

Боевики уже вовсю стреляли, Лаврову пришлось пригнуться и полагаться в управлении в основном на память. Он слышал, как зашипело простреленное переднее колесо. Последовал удар. Замыкающая колонну сгоревшая машина поддалась сразу. Ее остов мелькнул в зеркале. Не останавливаясь, Лавров вел грузовик задним ходом. От спасительного поворота его отделяло теперь метров пятьсот. Расчет Андрея до сих пор оправдывался. По кузову «Урала» не было сделано ни одного выстрела. И тут вновь ухнул миномет. Стрелок знал свое дело. Снаряд угодил в каменистый склон. Взрыв привел в движение осыпь. Каменные обломки двинулись вниз. Лавина нарастала. Лавров еле успел вдавить тормоз, иначе бы его «Урал» накрыло стремительно катящимися камнями. Шум затих. Теперь за грузовиком высился непреодолимой высоты каменный завал.

– Вашу мать... – процедил сквозь зубы майор.

Миномет ухнул еще раз. На сей раз снаряд угодил в гору перед машиной. Еще одна лавина сошла по склону. В душе Лаврову пришлось позавидовать командиру боевиков. Иметь такого минометчика-виртуоза – редкое счастье. Жаль, что такой виртуоз оказался у противника. Из-за него «Урал», за рулем которого сидел Андрей, попал в ловушку. С двух сторон его подпирали камни. Места для маневра оставалось лишь каких-то сто метров дороги. Даже второй уцелевший грузовик со снарядами и тот оказался отрезан от подразделения. А боевики уже бежали к нему.

– Черт! – выругался Лавров. – Садись-ка за руль, сынок, и вперед помаленьку, а там подхватишь меня и назад. Понял?... Ну, тогда я пошел.

Майор выскользнул из кабины и под прикрытием медленно двигавшегося вдоль склона горного кряжа «Урала» стал продвигаться вперед. Противник его пока не видел. Оказавшись

возле переднего завала, Андрей пополз, извиваясь среди камней. Благо не осевшая толком осыпь еще топорщилась большими глыбами. Но стояли они не очень надежно, неосторожно толкни одну, и камни вновь придут в движение. Добравшись до удобного для ведения стрельбы места, Лавров замер. Он прекрасно видел, что творится впереди. Четверо боевиков, обойдя расстрелянную колонну техники с безопасной стороны, уже приближались к грузовику с боеприпасами. Их товарищи для отвлечения внимания продолжали стрелять, целясь по колесам машины с людьми.

– На каждую хитрую гайку... есть болт с резьбой, – тихо проговорил Андрей, приподнимая автомат.

Он нажал на спуск подствольника, когда боевики поравнялись с машиной. Пущенная Лавровым граната прошла над бортом, прожгла брезент, оставив лишь черную дырку с обугленными краями. В следующее мгновение весь груз минометных снарядов сдетонировал, два взрыва слились в один. Тяжелую машину буквально подбросило в воздух и перевернуло, кабина стала похожа на скомканный лист бумаги. Что случилось с боевиками, Лавров уже не видел, но мог легко догадаться. Ему и самому, укrywшемуся за камнем, находящимся метров за семьдесят от взрыва, но значительно выше, пришлось несладко. Взрывная волна сдвинула осыпь, все заволочло пылью и дымом. Андрей прыгал по пришедшим в движение камням и практически ничего не видел. Он буквально наткнулся на капот «Урала», услышал взволнованный голос водителя:

– Это вы, товарищ майор?

– А то! – выкрикнул Лавров, забираясь на подножку.

Грузовик пошел задним ходом.

– Стой! – приказал майор и, высунувшись из кабины, крикнул сидевшим в кузове: – Всем покинуть машину, занять оборону!

Теперь, когда боевики были обозлены из-за гибели своих людей, их командир мог приказывать стрелять и по машине со смертоносным грузом. Однако сам комбат забрался на кабину и вытащил гранату.

Дым рассеялся. Лавров всматривался в противоположный склон неширокого ущелья. Блестела оптика перископа. Без сомнения, командир боевиков разглядывал Андрея. Майор демонстративно выдернул предохранительное кольцо и поднял над головой руку с гранатой, в другую взял автомат.

– Если кто приблизится к машине, взорву себя и груз! – крикнул он что было силы.

От крика запершило в пересохшем горле. Но Андрея, скорее всего, слышали. Во всяком случае, стрелять по нему не стали...

Бой продолжался. Все реже и реже раздавались выстрелы со стороны десантников – кончались патроны. В запасе еще оставалось немного гранат, но это уже для ближнего боя, ход которого был предreshен. Ну да, можно было уложить еще нескольких боевиков, сойтись в рукопашной и даже в последний момент подорвать грузовик с боеприпасами. Но вопрос уже стоял не о спасении своих жизней, а о том, как подороже продать их.

Командир боевиков тянул время. Как догадывался Лавров, ждал, когда солнце уйдет за горизонт, когда непроницаемые тени накроют ущелье, вот тогда он и подведет своих людей поближе...

Огненный диск дневного светила скатился к самому горному кряжу. Тени удлинились, доломитовые скалы окрасились пурпуром заката. Патроны в автомате у Андрея уже закончились, расстрелял он и заряды к подствольнику. Левая рука, все еще сжимавшая предохранительную скобу гранаты, занемела. Лавров уже не чувствовал ее. И тут до его слуха донесся неясный гул из поднебесья; он нарастал.

– «Крокодилы» летят! – раздался радостный крик одного из бойцов.

И в самом деле – из-за хребта показалась тройка «крокодилов» – транспортно-боевых вертолетов «Ми-24». Узнаваемые носатые силуэты этих бронированных чудовищ, расцветкой и формой отдаленно напоминавшие древнейших рептилий, пронесли над десантниками. Рассыпались салютом тепловые ракеты-ловушки. А затем в дело пошло мощное вооружение. Застучали крупнокалиберные пулеметы, огрызнулись пушки. Несколько ракет ушли к скалам, чертя в вечернем небе красочные дымные следы. Гроыхнуло, на склоне черными облаками взметнулась каменная пыль, и миномет замолчал. Но «крокодилы» заходили над ущельем раз за разом. Под ними горела земля, разлетались каменными брызгами скалы. Майор знал: в этом аду вряд ли кто-то останется в живых. Благо своих раненых он успел вытащить.

Лавров вытер пот со лба и деловито вставил в гранату предохранительное кольцо, разогнул усики и принялся сжимать-разжимать занемевшие пальцы.

Наконец, один из «крокодилов» опустился на дорогу, из открытого люка махали рукой, мол, быстрее грузитесь. Две другие машины еще висели над ущельем, разбрасывая вокруг себя тепловые ракеты-ловушки. Стрелки высматривали, не осталось ли достойной цели.

Десантники загружали в вертолет раненых, садились сами. Но для одного «Ми-24» их было слишком много. Загруженный вертолет взлетел, на его место тут же спустился другой. Майор с последними бойцами забрался в третий. Когда их «крокодил» поднялся и лег на обратный курс, Лавров крикнул стрелку, дублируя слова жестами – из-за шума винтов тот мог и не слышать:

– Хорошо, что первым делом их миномет ракетой раздолбали. Иначе бы он нас с ребятами накрыл, а там в кузове снаряды.

Стрелок кивнул, поняв, в чем дело, и поднял большой палец правой руки кверху. Мол, счастье, что все кончилось относительно хорошо, могло быть и хуже.

– Откуда узнали, что нужна помощь?! – крикнул Лавров.

По движению губ Андрей понял, что ему ответили...

Глава 3

Конечно же, не по мановению волшебной палочки в вечернем небе над Богосским хребтом появились «крокодилы», и не только потому, что в душе Лавров больше всего желал увидеть прежде, чем зайдет солнце, бронированные «Ми-24» и лицезреть их несокрушимое вооружение в действии. За свою жизнь он не боялся, иначе бы не сжал в руке рифленый корпус осколочной гранаты с выдернутой чекой. Он свое пожил, видел многое, многого достиг, а вот почти необстрелянные бойцы-десантники были достойны лучшей участи, чем из-за недоработки разведки геройски погибнуть от рук боевиков. Некоторые из них, поди, еще и не целовали женщину по-настоящему. Почему-то именно эта спорная мысль неотступно сверлила мозг комбату, когда он руководил обреченной на поражение обороной расстрелянной на горной дороге колонны.

Капитан Бахтияров не подвел товарищей. Он знал, что, кроме него, просто больше некому сообщить о попавшей в ловушку колонне, а потому не имел права погибнуть. Дениз Бахтияров, когда слышал на горном склоне вой снижающегося минометного снаряда, уже знал, что летит он «по его душу». Откуда только силы взялись! А ведь они уже были на исходе. Чистое небо, расстилавшееся за краем скал, манило, но было недостижимым. Всего-то несколько десятков метров крутого склона, но попробуй их преодолеть, когда грудь уже разрывается от частого дыхания. Когда хочется упасть и встретить смерть, как избавление от отчаяния и усталости.

Раздался близкий взрыв, Бахтияров его не услышал, земля содрогнулась под ним, ударной волной его бросило на камни. Больше он ничего толком не помнил. Пришел в себя уже на другой стороне склона. Израненный, контуженный, он скорее ощущал выстрелы на противоположной стороне, чем их слышал. Огляделся: его автомат исчез, за скалами еще клубилось облако дыма. Как он здесь очутился, каким образом перебрался через скалы, капитан Бахтияров не помнил, он все еще плохо соображал. Но у него в мозгу гвоздем засела мысль – товарищи в беде, и он обязан привести подмогу, больше некому. И он брел, не останавливаясь, с израненным лицом, в порванном на лоскуты окровавленном камуфляже, и эта мысль не давала останавливаться, не давала упасть, заставляла жить.

Когда на блокпосту увидели выходящего на асфальт Бахтиярова, то не сразу признали в нем российского десантника. Дениз прошел с десятков шагов и, увидев, как к нему бросились бойцы, опустился на землю.

– Товарищ капитан, мы вам поможем...

– Что случилось?.. – зазвучали голоса.

Бахтияров заговорил, словно включил готовую к воспроизведению магнитофонную запись:

– Колонна попала в засаду... сорок пятый километр... майор Лавров... пусть высылают вертушки...

Сказав последнее приготовленное слово, Бахтияров упал на асфальт, его разноцветные глаза даже не закрылись, оба – и синий, и зеленый – уставились в небо, по которому проплывали легкие облака.

* * *

Майор Лавров потянул на себя дверь палаты реанимации и вошел. Медсестра, догнавшая его, скользнула следом, загородила дорогу и запричитала:

– Куда вы! К нему нельзя! Видите, он без сознания! Анна Петровна запретила! Сказала, никого не пускать!

– Ты потише, – молвил Андрей.

– Он все равно нас не слышит... – понизила голос медсестра.

– Меня ребята прислали. Я его должен своими глазами увидеть. – Лавров нежно, но уверенно приобнял медсестру за талию и устранил ее со своего пути.

Он остановился у замысловатой хирургической кровати. В головах у Бахтиярова подмигивала лампочками аппаратура, по монитору пробежали ломаные линии, от присосок на груди и руках тянулись проводки. Капитан лежал, прикрытый простыней до пояса. На бинтах расплывались пятна запекшейся крови. Глаза Дениза были плотно закрыты, глазные яблоки вздрагивали, двигались под веками, возможно, он видел сейчас что-то одному ему доступное, только они да рот и были видны на забинтованном лице. Лавров застыл – неуклюжий в наброшенном на плече белоснежном халате, в руках он сжимал шелестящий пакет со стандартным больничным набором – апельсины, сок, бананы, яблоки.

– Как он? – спросил Андрей шепотом.

– Плох... – прошептала медсестра, тихо ойкнула и прикрыла рот ладонью.

В палату решительно вошла врач – Анна Стрельцова. Девушка попыталась оправдаться:

– Я говорила, что нельзя, а он...

– Маша, оставь нас одних, – холодно произнесла Стрельцова.

Только когда за медсестрой закрылась дверь и ее задержавшийся на фоне матового стекла силуэт растворился в свете коридорных светильников, Анна повернулась к Лаврову и глянула на него. Теперь дверное стекло казалось киноэкраном, на котором вот-вот начнется проекция нового фильма.

– Я не мог не прийти, – выдавил из себя Лавров. Он, бесстрашный и безбашенный в остальном, потерялся в присутствии этой молодой женщины.

– Дениз после операции еще не приходил в себя. Он не слышит нас, не чувствует прикосновений. Ему и дела нет, что сейчас происходит рядом. Так что ты пришел не ради него, ты для себя пришел, чтобы душу успокоить.

– Что у него с лицом?

– Пришлось тридцать швов наложить.

Но майору казалось, что Бахтияров сейчас слышит их разговор, все понимает, вот только сказать ничего не может. А потому он и не произнес слов, адресованных Анне.

– Мне уйти? – вместо этого проговорил он.

– Как хочешь. – Женщина села на край кровати, взяла в свои ладони руку Дениза.

Этим жестом было сказано так много, что Андрей тут же понял: все, Стрельцова сделала свой выбор. Говорить самому ничего не придется. Он уже сделал шаг назад, к двери, как вдруг Бахтияров открыл глаза, сперва его взгляд был туманен, потом просветлел, словно плену сняли. Он смотрел на Лаврова. Губы в прорези бинтов искривились в улыбке.

– Значит, не зря. Значит, успел, – произнес он почти беззвучно, узнав Андрея.

Лавров больше по движениям губ, чем по слабому звуку, догадывался, что говорил Дениз.

– Всех ребят вертушки вытащили. Больше никто не погиб, – подсказал Андрей. – Мы вот тебе кое-что принесли. – Он поставил на тумбочку пакет.

– У меня все есть, – Бахтияров перевел взгляд на Анну, и его пальцы сжали ее ладонь.

– Я пойду, поправляйся.

– И ребятам от меня привет передай. Извини, устал, – сказал капитан и вновь закрыл глаза.

Его грудь мерно вздымалась в такт дыханию. Лавров покинул палату, Анна даже не обернулась, продолжала сидеть рядом с Денизом.

Лавров еще несколько раз навещал Бахтиярова. Тот шел на поправку довольно быстро. Через две недели его уже перевели из реанимации в общую палату. Загипсованный капитан строил планы на будущее, собирался вернуться в строй. Когда с лица Бахтиярова наконец сняли повязки, то Лавров почти не узнал его. Только глаза да линия губ оставались прежними. А остальное... Теперь Дениз отдаленно напоминал положительного героя латиноамериканского сериала. Наверняка Стрельцова скроила ему новое лицо из лохмотьев кожи по своему разумению, на свой вкус. Все равно старого уже было не вернуть.

Анна больше никогда не появлялась перед ними двоими вместе, зато неизменно подкарауливала Лаврова в коридоре, когда он возвращался от Дениза, явно хотела сказать что-то важное, но каждый раз не решалась. И вот однажды произнесла:

– Денизу уже не вернуться в строй, это я тебе, Андрей, как медик говорю. Не пройдет он комиссию. Он еще надеется, но это бесполезно. И ты должен об этом знать.

– Понял, – ответил Лавров и тяжело вздохнул.

Он знал, что такое для офицера-десантника в расцвете сил уйти со службы. Ты еще не растратил запал, у тебя еще планы... И вдруг тебе надо уходить на гражданку. Сколько блестящих офицеров после этого спилось, сколько свели счеты с жизнью...

– Ты уж позаботься о нем, – попросил он Анну.

– И я о том же. Не бойся, со мной он не пропадет, – ответила женщина – и военный хирург.

Все случилось так, как говорила Анна, – Бахтияров медицинскую комиссию не прошел, ему пришлось покинуть службу в ВДВ. Рассталась с военной медициной и Стрельцова. Вместе они уехали на родину к Бахтиярову, в Казань, там у него имелись многочисленные родственники, а значит, и связи. Вскоре Лаврову даже приглашение на свадьбу прислали, но это было уже выше его сил, и он сделал все, чтобы на эти дни командование отправило его в очередную командировку. Но потом он приезжал к Денизу, и не раз.

Анна Стрельцова неплохо устроилась в частном медицинском центре, построенном на инвестиции сирийских бизнесменов, стала ведущим специалистом в отделе пластической хирургии. Ее авторитета хватило на то, чтобы владельцы центра назначили Бахтиярова начальником охраны.

Дениз теперь ходил в гражданском деловом костюме с галстуком, а потому татуировка ВДВ с парашютом на его запястье смотрелась не к месту. Лавров хоть и не спрашивал, но Дениз сам ответил на молчаливый вопрос:

– Аня уговаривала свести ее. А я не хочу. Я же тренируюсь, в аэроклубе, за свои деньги парашютным спортом занимаюсь. Не сомневайся, через год-полтора все нормативы сдам и в строй вернусь.

– А как же ее работа? – поинтересовался Лавров.

– С этим делом разберемся, тут, знаешь, тоже не сахар, – махнул рукой Дениз. – Знал бы ты, сколько предложений от всяких уголовников поступает, угроз, какие деньги предлагают за тайную операцию. У пластического хирурга много искушений. Вот зачем я нужен – чтобы всякую мразь подальше посылать.

Однако вернуться в строй Бахтиярову не удалось, и вовсе не потому, что вновь не прошел комиссию – дело даже до комиссии не дошло. У медицинского центра в Казани начались какие-то неприятности, поползли слухи о будто бы уже заведенных уголовных делах. Якобы хирурги центра все же проводили нелегальные операции. Но Лавров подозревал, что дело было вовсе не в операциях, просто пошел очередной передел прибыльного бизнеса.

Инвесторы решили, что будет лучше «свернуться» и перевести бизнес на родину. Лучшим специалистам, в их числе Анне, предложили уехать в Сирию. Вроде бы в судьбе хирургов сыграл роль и президент Сирии – сам в прошлом хирург-офтальмолог с мировым именем.

Замолвил за них словечко российскому руководству, вот прокуратура и не чинила препятствий к отъезду. Уехал вместе с женой и Дениз.

Как там устроился на новом месте Бахтияров, Лавров не знал. Раз пять от Дениза приходили открытки – поздравления с Новым годом и с Днем десантника. Но текст был скупой, толком ничего не понять, кроме самих поздравлений. «Почерк» все же был бахтияровский, так что, по крайней мере, можно считать, что все в порядке, думал Лавров. А потом и открытки перестали приходить, но Андрей принял это как должное. Время идет, появляются новые друзья. Да и вообще – пусть пишут писатели, а десантник писать не приучен, он человек действия. Вот если бы встретиться, посидеть вечером за бутылкой, поговорить, вот это совсем другое дело.

Годы шли. Майор Лавров хоть и не был в чести у начальства за свой нрав и стремление к справедливости – потому и носил до сих пор майорские погоны, но зато заслужил у своих подчиненных уважительное прозвище Батяня, а им не каждого комбата наградают. И каждому новому пополнению в день, когда вручались голубые береты, он непременно рассказывал о том, как капитан Бахтияров, рискнув, спас подразделение, попавшее в ловушку на горной дороге у Богосского хребта в Дагестане.

Глава 4

Мир – тонкая материя. В нем все взаимосвязано, события всегда замыкаются одно на другом, соединяясь в цепь, и если потянуть за одно звено, то далекий конец цепочки может прийти в движение. А еще дотошные ученые как-то подсчитали, что все человечество знакомо между собой через десять человек. Знакомый одного знакомого другого знакомого... ну, и так до десяти, обязательно окажется в дружбе с папуасом из Новой Гвинеи или с палестинской шахидкой. Нужно только правильно отстроить эту нехитрую цепочку. Потому и неудивительно, что история десятилетней давности с попавшей под обстрел у Богосского хребта колонной военных грузовиков получила свое непредсказуемое продолжение уже в наши дни, за тысячи километров от Дагестана – в Сирии...

От состояния порядка к ожесточенному противостоянию, от любви к ненависти, от мира до войны всегда один шаг. Ситуация в любой стране всегда колеблется.словно на разные чаши весов люди постоянно бросают: на одну свое недовольство, на другую доверие к тем, кому поручили властвовать над собой. Мудрые правители не мешают им в этом, зная, что лучше следить за колебаниями чаш и вовремя принимать решения, способные вновь и вновь приводить к равновесию. Если не получается, то они уходят с постов, предоставив заботы о государстве новым политикам. Таким почет и уважение, спокойная старость гарантированы. Но есть и те главы государств, кто не хочет ни за что расставаться с властью. Им кажется, что их демократические коллеги просто слабаки, боящиеся принимать жесткие решения. Самый простой выход им видится в том, чтобы схватить колеблющийся рычаг весов железной рукой и удерживать его неподвижно, что бы ни случилось. Иногда это удается делать долгие годы, но со временем правители начинают терять связь со своим народом, и тогда недовольство, копившееся в нем долгие годы, вырывается из-под контроля. Но диктаторам кажется, что надо только сильнее сжать рычаг весов, и бунт заглухнет. На манифестантов бросают сперва полицию, а потом и войска, и даже танки. Дубинки и слезоточивый газ сменяются пулями и пороховым дымом. Проливается кровь, и уже никто не хочет идти на попятную.

Это и случилось в относительно спокойной до этого Сирии. Арабская весна, прокатившаяся по государствам Северной Африки, захватила и ее. Противостояние «наследного президента» Башара Асада и сирийского народа обернулось большой кровью.

Основные столкновения между проправительственными силами и манифестантами всегда происходят в столице и крупных городах, именно там решается будущее страны. Маленькие городки при этом обычно продолжают жить тихой провинциальной жизнью, их жители прислушиваются к официальным новостям и к слухам, доходящих до них от родственников и знакомых. Они знают – что бы ни случилось, кто бы ни пришел к власти, жизнь в их захолустье практически не изменится.

Вот в таком городке – Исфахе – и жил мелкий торговец Авад Эдельби. Местная полиция и даже спецслужбы старались не зверствовать. Как ни крути, населения немного, все друг друга знают, повязаны кровными узами. Маленький Исфрах – не столица Дамаск, где никто потом не узнает, кто стрелял по митингующим. Да, можно помахать дубинкой, разгоняя собравшихся на центральной площади, но потом неизбежно придется встречаться с теми же людьми в магазинах, на улицах, смотреть им в глаза. Да и дети в одну школу ходят. Так что правоохранители в крайнем случае ограничивались задержаниями особо недовольных и профилактическими беседами. Таких же, как Авад Эдельби, и вовсе не трогали. Торговец знал свое место. Когда при нем заводили разговоры о политике, старался сменить тему, не высказывался ни за, ни против теперешнего руководства.

Раза два в неделю он отправлялся на своем стареньком полугрузовичке в соседние города. И там на импровизированных базарах вел торговлю одеждой. До недавнего времени

брал с собой в поездки и всю семью – жену, четырнадцатилетнюю дочь и пятилетнего сына. Но когда начались беспорядки, стал оставлять их дома, считая, что так безопаснее, мало ли что может случиться.

В этот день у Авада Эдельби с торговлей не заладилось с самого начала. Он, как и планировал, приехал с рассветом в город, лежащий на полпути между Исфахом и Дамаском, где базар проходил два раза в неделю, по средам и воскресеньям. Авад взялся с другими торговцами натягивать тенты вдоль улицы, расставлять прилавки, раскладывать товар. Уже тянуло ароматным запахом от машин, где на газовых горелках готовили еду, сновали разносчики чая. Стали появляться и первые посетители, но только ходили, приценивались, ничего не покупали. Лица у них были напряженные, люди шептались между собой, говорили о том, что оппозиция готовит в городе какую-то акцию. Эдельби не сильно вникал в эти разговоры, пусть себе готовят, а он в политику не вмешивается, его место тут – за прилавком с майками. Товар ходовой, в городе много молодежи. Соседа по торговым местам, расставившего для продажи детские игрушки, Авад знал только в лицо. Парень прекрасно разбирался в том, чем торгует, а ведь товар не простой, многие игрушки были напичканы электроникой. Совсем другие были у самого Авада в детстве.

К обеду базар почти опустел, а купили лишь пару маек, даже бензин на дорогу, и тот торговец не окупил. Поползли слухи, что на соседней площади уже собирается митинг против президента. Вскоре стал слышен многоголосый гул. Ораторы один за одним выкрикивали в микрофон лозунги, которые Авад и слышать боялся, толпа отвечала им одобрительным гулом.

– Уважаемый, – обратился к нему сосед, – плохо торговля идет?

– Не у меня одного, – напряженно улыбнулся Авад.

– Просто не теми майками торгуете. Сегодня нужно не «Человека-паука» и «Микки-Мауса» продавать, а майки с лозунгами. Вмиг бы улетели. К вам с площади молодежь толпой повалила бы. – Парень расстегнул курточку и продемонстрировал Аваду скрывавшуюся под ней майку оппозиционного толка. На ней был портрет улыбающегося действующего президента и надпись: «Он счастлив. А ты?»

– Ага, – покачал головой Эдельби. – Сегодня бы такие майки улетели, а завтра бы ко мне полиция пришла. Мне это надо? Лучше потихоньку торговать тем, чем всегда. У меня семья. Кто их потом кормить будет?

– Если вы не занимаетесь политикой, то она займется вами, но будет уже поздно, – произнес роковую фразу молодой торговец игрушками и застегнул курточку.

Со стороны соседней улицы послышался нарастающий гул мощных моторов. Базар поутих. Сквозь просветы между тентами, прилавками было видно, как мимо проползает колонна грузовиков. В кузовах сидели полицейские в полной экипировке со щитами и в пластиковых шлемах, длинные дубинки сжимали между ног. За полицейскими проехали и несколько военных машин. Парень, оттопырив средний палец, показал им вслед неприличный жест. Авад сделал вид, что не заметил этого.

Грузовики проехали по направлению к соседней площади. Оттуда тут же послышалось злобное скандирование толпы. Что именно кричат манифестанты в адрес полиции, было не разобрать, но явно нечто чрезвычайно оскорбительное и обидное.

Торговец игрушками заулыбался и подсказал смысл речевки Аваду:

– Они кричат, что сейчас в полицию способны пойти служить только дети воров и проститутки. А вы так не считаете?

Со стороны площади донеслись команды командиров, топот выстраивающихся в шеренги полицейских, а затем и грозные предупредительные удары дубинками по щитам. Некоторые торговцы стали торопливо отвязывать растяжки тентов, складывать разборные каркасы и товар в машины. А вот Авад Эдельби пока не торопился. Он решил, что ничего плохого

не произойдет, митингующие разойдутся, полиция уедет, и торговля, может быть, еще наладится. Так уже случилось в прошлом месяце, когда он ездил в другой город.

И тут из дворов появилась группа молодых людей с лицами, завязанными платками. Парни, гикая, выкатили жестяные контейнеры, на ходу поливая мусор из канистры. Бензин вспыхнул, и контейнеры, объятые пламенем, понеслись к площади с горки. Молодые люди кричали торговцам на базаре:

– А вы чего стоите? Присоединяйтесь! За свободу надо бороться! – После чего тут же стали бросать вслед контейнерам камни и бутылки.

С площади уже неслись крики избиваемых демонстрантов. Затем стали хлопать выстрелы. Авад понял, что запахло жареным, и срочно стал отвязывать растяжки тента. Но было уже поздно. Теснимая полицией толпа сумела прорвать строй правоохранителей и хлынула спасаться. Люди бросились на рынок. Теперь толпа грозила смести прилавки и торговцев.

– Они нас газом травят!

– Снайперы на крышах засели!

– Есть убитые! – звучали крики.

Узкие проходы между торговыми местами наполнились бегущими. Подкашивались подпорки, падали тенты. Авад растерянно смотрел то на парнишку с разбитой в кровь головой, который пытался прикрыть рану снятой с себя рубашкой, то на сорокалетнего мужчину, задравшего голову и льющему себе на лицо минералку, глаза его были красными от попавшего в них слезоточивого газа. Но, как оказалось, не это было самым страшным. На базар ворвалась полиция. Правоохранители в защитных жилетах, в пластиковых касках с прозрачными забралами, прикрываясь щитами, принялись месить публику дубинками, уже не разбирая, где молодые активисты, где старики с женщинами, случайно оказавшиеся не в том месте и не в то время. Они хватали демонстрантов, тащили их, кого за руки, кого за ноги, к подъехавшим грузовикам. Эдельби почему-то казалось, что его не тронут, возможно, из-за того, что от всего творящегося ужаса его отделял низкий прилавок с майками, и торговец был как бы зрителем, а не участником.

И тут краем глаза Авад увидел, как качнулся его сосед – торговец игрушками внезапно приподнялся на цыпочки, а затем рухнул на разложенные для продажи майки. Тонкая фанера стенда треснула и провалилась. Из маленькой дырки в виске парня струйкой текла кровь и темным пятном расплзлась на товаре. Это было настолько неожиданно, что Авад сперва даже не испугался, испуг пришел, когда он увидел в трепыхающемся на ветру тенте дырку, пробитую шальной пулей. Иллюзия безопасности тут же испарилась. Сквозь дырку в тенте в глаза торговцу бил колющий солнечный луч.

– Чего паялишься! – крикнул полицейский на застывшего Авада и что было силы ударил его дубинкой по ребрам.

Он бы ударил еще раз, теперь уже по голове, но тут из-за спины мирного Эдельби вынырнул молодчик с завязанным платком лицом и позаимствованным в грузовичке Авада огнетушителем, пустил под забрало полицейскому тугую струю порошка, смешанного со сжатым воздухом. Ослепленный правоохранитель взвыл, беспорядочно замахал дубинкой. Кто-то из демонстрантов тут же вырвал у него щит, им же и толкнул в грудь. Полицейского повалили на землю и принялись топтать ногами.

– Спасибо, уважаемый. Его еще можно будет заправить. – Молодчик вручил обалдевшему Аваду пустой порошковый огнетушитель и с криком «Бей сына вора и проститутки!» присоединился к товарищам, избивавшим поверженного правоохранителя.

К месту избиения уже продирались, расчищая себе путь дубинками и баллончиками со слезоточивым газом, полицейские. Было件нятно, что разбираться, кто какие политические взгляды исповедует, они не станут. Сперва избыют до полусмерти всех, кто под руку попадется, а потом повезут в участок. Обезумевший Эдельби бросил в их сторону пустой огнетуши-

тель, сгреб попавшиеся под руки майки и запрыгнул в кабину своего полугрузовичка. Старая машина завелась лишь с третьей попытки. Полицейские уже перепрыгивали через поломанный прилавок и мертвого продавца игрушек.

– Стой, гад! – Один из правоохранителей замахнулся на лобовое стекло дубинкой.

Авад с испугу воткнул переднюю передачу и газанул. Машина дернулась, снесла полицейского. Торговец попытался убедить себя, что под колесами хрустнул прилавок, а не человеческие кости, и тут же сдал задом. Тент, привязанный к кабине, накрыл сражавшихся.

Эдельби осторожно провел свой грузовичок по узкой полосе между домами и поставленными торговыми навесами. Тент волочился сзади до тех пор, пока не зацепился за сухие кусты и не оторвался. Базар остался позади. Авад свернул в боковую улицу, по ней бежал с десятков демонстрантов, уносящих ноги от полиции куда подальше. Торговец никого не стал подбирать, хотя ему и махали. Через пару кварталов уже не было никаких напоминаний о митингующих и их разгоняющих правоохранителях.

На выезде из города полицейские остановили машину. Авад, похолодев душой, затормозил. Он был наслышан о том, что полиция засылает в ряды митингующих своих видеооператоров, которые снимают на любительские камеры происходящее, а затем по этим записям улавливают активных участников и арестовывают их. На одном из кадров вполне мог оказаться запечатленным и сам Авад, бросающий в правоохранителей огнетушитель. Но полицейский всего лишь проверил документы и даже пожелал счастливой дороги.

Глава 5

Уже ближе к закату солнца Авад въехал в родной городок. Жену он не стал расстраивать, не решился живописать увиденное на базаре, просто сказал, что начался разгон митинга оппозиции и ему пришлось срочно уезжать, бросив часть товара. Закира, конечно же, расстроилась, но не сильно, всякое в жизни случается, хорошо, что муж вернулся домой целый и невредимый, ведь по радио уже передали о беспорядках в соседнем городе.

Авад устроился на увитой старой виноградной лозой террасе, откуда открывался вид на улицу. Теперь и ему самому увиденное днем казалось сном, кошмарной фантазией. Ведь совсем рядом шла другая – размеренная жизнь, к которой он привык. Соседи выходили из большого продуктового магазина на другой стороне улицы, здоровались с ним. Правда, покупки делали впрок, увозили на машинах и тележках мешки с мукой и сахаром, целые упаковки бутылок с минеральной водой. Но все это делалось без паники, а по-провинциальному обстоятельно и с надеждой на лучшее. Мол, мука и питьевая вода все равно не пропадут, жизнь-то продолжается.

Закира носила на стол еду. У них давно было заведено, что совместный ужин – главное в семейной жизни. А потому выставлялась лучшая посуда, как для гостей. Эдельби любовался дочерью Динарой. В свои четырнадцать лет она уже была полностью сложившейся девушкой, впору было подумать, чтобы выдать ее замуж. Но отцу хотелось, чтобы она еще хоть пару лет пожила в родительском доме, пока подрастет ее пятилетний братишка Айан.

Помолившись, вся семья принялась за ужин. Разговор особо не клеился. Динара в самом начале неосмотрительно предложила, чтобы отец завтра вновь съездил в город – вдруг мешки с майками и тент, оставленные на базаре, возьмет под охрану полиция, тогда их можно будет забрать.

– Никуда я не поеду! – отрезал отец. – Лучше пару недель вообще никуда не выбираться. А тент уже старый был, все равно новый собирались сшить. Вот и поменяем. Все, что ни делается, делается к лучшему.

Закира взглядом проводила проехавшую по улице машину. Грузовик был до отказа забит домашним скарбом. Не вместившийся в кузов матрас привязали к кабине.

– В Турцию убегают, – тихо произнесла жена. – Может, и нам на время уехать, пока все не наладится? Там уже много наших осело.

– И что мы там делать будем? – мрачно спросил Авад. – В палатке в лагере для беженцев жить? Ты белье будешь под колонкой в тазу стирать? А школа как? Нет, никуда ехать не надо. Тут у нас дом. Сбережения есть, протянем и без торговли. Все скоро образуется.

Маленький Айан, заслышав про Турцию, оживился:

– А я хочу в Турцию.

– Тебя не спрашивают, – строго произнес глава семейства и принялся разламывать, делить лаваш, посыпанный кунжутом.

По улице проехала еще пара машин с беженцами.

– Из Дамаска бегут, там беспокойно, – проговорил Авад, макая кусок лепешки в соус. – Но еще говорят, что полиция облавы на беженцев устраивает. Останавливают, избивают, все ценное забирают, а назад пешком иди. Так что мы тут остаемся.

На улице темнело, солнце уже скрылось за горизонтом. Эдельби вздрогнул, когда послышалось урчание мощного мотора, такое же, какое ему довелось слышать сегодня перед разгоном митинга. На улицу нагло выкатил военный грузовик с тентованным кузовом, взгляд Авада зацепился за черный бампер – регистрационных номеров на нем не было.

– Может, в дом пойдем? – встревоженно косясь на нездешнюю машину, предложила Закира.

Авад не хотел выглядеть трусом в глазах собственных детей.

– Мы никому ничего плохого не сделали, – проговорил он тихо. – Сидим и просто ужи-
наем. Чего нам бояться?

– Ну, не знаю...

Из кабины выбрался крепко сложенный мужчина в камуфляже, показал водителю, чтобы
разворачивался. Сразу было заметно, что человек в камуфляже – не местный и даже не сириец.
Несколько странной была у него внешность, словно над ней потрудились не только природа,
но и мастер. Чем-то приезжий напоминал латиноамериканца из сериалов, вот только волосы
у него были темно-русые.

Грузовик беззастенчиво заехал колесами на тротуар и развернулся одним приемом на
улице, стал неподалеку от ворот дома Авада. Двигатель продолжал работать, клочковатый дым
из выхлопной трубы несло ветром на террасу.

– Фу, как воняет! – пожаловался маленький Айан.

– Нужно говорить не «воняет», а «пахнет», – поправила братишку Динара.

– Помолчите, дети! – шикнула Закира.

Пожилая парочка, выкатившая из магазина тележку с продуктами, шарахнулась от чело-
века в камуфляже. Сунувшаяся на улицу семья с грудным ребенком тут же ретировалась, зави-
дев армейскую машину без номеров. Городской пейзаж в зоне видимости Авада очень быстро
обезлюдел.

Незнакомец в камуфляже спокойно подошел к банкомату, установленному возле входа
в магазин. Сунул карточку и принялся нажимать кнопки. Внутри аппарата заурчало, зашеле-
стело, и банкомат стал сыпать купюры, сыпал довольно долго. Мужчина подровнял пачку, не
пересчитывая, сунул ее в нагрудный карман и направился к грузовику.

Авад уже собирался облегченно вздохнуть, предвидя, что странный гость их тихого
городка сядет сейчас в кабину и машина уедет. Но этого не случилось. Мужчина в камуфляже
стукнул кулаком в деревянный борт и скомандовал:

– Выгружайтесь!

Торговец Эдельби не сразу понял, что он сказал, ведь прозвучало это не по-арабски.
А потом смысл команды сам собой стал ясен. Так говорили русские специалисты, монтировав-
шие оборудование на местной электростанции, на строительстве которой Авад подрабатывал
три года тому назад.

«Русские?» – недоуменно подумал он.

Тем временем из кузова уже спрыгнули четверо крепко сложенных мужчин, одетых
в военную форму незнакомого покроя и без знаков различия, выглядевших как европейцы.
Мужчина в камуфляже уверенно направился к калитке дома семьи Эдельби. Он даже не стал
утруждать себя стуком, не стал окликать хозяев. Просто с ходу ударил в калитку плечом –
незамысловатая щеколда отлетела в мгновение ока. Пятеро незваных гостей уверенно шагали
к террасе. Поскольку они не уместались на узкой дорожке, то цветы хрустели под их ботинками.

Человек в камуфляже взбежал по ступенькам, прищурился, глядя на хозяина:

– Ты Авад Эдельби? – поинтересовался он так, словно эти имя и фамилия были назва-
нием одного из самых страшных преступлений.

– Да, я... – дрогнувшим голосом отозвался хозяин и бросил взгляд на опустевшую, погру-
жающуюся в темноту улицу.

– Пошел в дом! – мужчина грубо схватил Авада за плечо, выдернул из-за стола и толкнул
к двери. – В дом пошел!

Его подручные уже подгоняли Закиру и ее детей.

– И вы следом.

Хлопнула дверь, загорелся верхний свет. Авад очень гордился просторной гостиной сво-
его дома. Много сил и средств он вложил в то, чтобы люди чувствовали себя здесь уютно. Кон-

диционер, ковры, широкий диван, на котором перед телевизором могла с комфортом усесться вся семья. Но теперь комфорт мог Аваду только сниться. Он не успел заметить, кто именно включил телевизор и прибавил в нем звук.

Продолжая шуриться, человек в камуфляже схватил Эдельби за рубашку, притянул к себе и проговорил прямо в лицо:

– Признавайся, где прячется твой старший брат Усама? У тебя прячется, так ведь?

– Его нет здесь... Где он, не знаю. Усама уже десять лет как в Дамаск переехал. В университете преподает. Я его полгода не видел... – честно ответил Авад, дрожа как сухой лист.

– Ты понимаешь, что тебе светит, – почти прорычал страшный гость, – если ты его прячешь? Ведь он против нашего президента народ баламутит.

Кое-что прояснилось. Станные визитеры прибыли не из-за сегодняшних событий на базаре, сам Авад их не интересовал, они искали Усаму – старшего брата Авада, университетского преподавателя, возглавлявшего на факультете оппозиционно настроенную молодежь. Но торговец мог чем угодно поклясться, что даже в последний приезд брата о политике с ним не говорил.

– Честное слово, господин... офицер, – Авад запнулся, ведь знаков различия не было ни у кого из незваных гостей, – не появлялся он здесь. Не звонил даже...

– Да?

«Герой сериала» говорил на сирийском диалекте арабского языка довольно чисто и уверенно, даже слов не коверкал, но чувствовалось, что он ему не родной.

– Врешь! – Мужчина в камуфляже резко ударил Аваду коленом между ног, а когда тот, взыв, согнулся, саданул кулаком в лицо. – Где прячется брат?

Из разбитого носа хлопьями полетела кровь.

– Не знаю, – захлебываясь, выдавил из себя Авад.

Закира рванулась к нему:

– Не трогайте его, он правду говорит.

– Не лезь, баба! – по-русски цыкнул на нее один из головорезов.

Закира хоть и поняла по интонации, что ее предупреждают, но не сдержалась, набросилась на одетого в камуфляж мужчину, обрушила ему на спину град нечувствительных для него ударов.

– Да успокойте ее! – прикрикнул главарь на подручных.

Свеловолосый гигант схватил женщину за плечи и отшвырнул к стене. Закира ударилась головой о тумбочку и потеряла сознание. Дети, Динара и Айан, тормозили ее, шепча:

– Мама, мамочка...

– Так, еще раз спрашиваю – где твой брат? – продолжал шуриться мужчина в камуфляже и занес кулак для удара.

Авад сжался и закрыл глаза:

– Не знаю, честное слово, не знаю... Жену, детей не трогайте!

Удара не последовало.

– Может, и в самом деле не знает? – ухмыльнулся мужчина в камуфляже.

– Да врет он, Бахтияр! – отозвался белобрысый, закатывая рукава.

Почему-то Бахтияр не возмутился, что подельник назвал его в такой ситуации по имени.

– Братца выдать не хочешь? А мы его предупреждали: если не сдастся властям, то всем его родственникам очень плохо будет. Думаешь, он о тебе и твоих детях беспокоится? Нет. Спрятался. За свою шкуру испугался.

– Я не знаю, где он. В самом деле, ничего не знаю, детьми клянусь! – взмолился Авад.

– Ты о Шайтане слышал? Так вот это я – Шайтан! Мы тебе память сейчас оживим, – пообещал Бахтияр. – Если собой не дорожишь, то о детях подумай.

Белобрысый склонился к четырнадцатилетней Динаре, которая сидела на полу возле матери и пыталась привести ее в чувство.

– Поднимайся, поднимайся, – проговорил он притворно заботливо. – Холодно на полу сидеть.

Девчонка отдернула руку, когда ей попытались помочь подняться.

– Нет!

– Ты же отца своего уважаешь? Не хочешь, чтобы ему было плохо? Вставай.

– Мы дядю давно не видели. – Динара поднялась, с мольбой посмотрела на отца, но тот был бессилён что-либо для нее сделать.

– Значит, не скажешь, – покачал головой Бахтияр. – А зря! – рывкнул он.

И тут же двое здоровяков схватили Динару, бросили грудью на стол, зажали рот, крепко держа за руки. Белобрысый сорвал с нее платье и принялся неторопливо расстегивать штаны.

Авад замер, не веря, что такое может произойти, он непроизвольно отвел взгляд от обнаженного тела дочери и принялся умолять пришельцев не трогать ее, объяснять, что ничего не знает о своем брате-оппозиционере. Но тот, кого называли Бахтияром, был жесток.

– Смотреть! Глаза не отводить! – крикнул он так, что послушаться было невозможно.

Демон в камуфляже заставил смотреть Авада на то, как насилуют его дочь, а затем, дернув к себе, заглянул ему в лицо. Эдельби отшатнулся, на него смотрели два разных глаза – один синий, другой зеленый, словно два разных человека поселились в одном теле. Малолетний Айан не понимал, что именно происходит, но сообразил, что его отца и любимую сестру обижают. Он подскочил и вцепился зубами в руку Бахтияра, но тот смахнул его, словно тот был котенком. Айан отлетел в угол, заскулил, но попытался подняться. Один из подручных хладнокровно выхватил пистолет и выстрелил в мальчишку. Малыш замер. Закира пошевелилась, открыла глаза, следующий выстрел пришелся в нее. Матери так и не довелось узнать, что произошло с ее детьми.

– Похоже, он в самом деле не знает, где его брат, – по-русски подытожил Бахтияр. – Иначе сказал бы. Все, хватит. – Он разжал пальцы, и обмякший Авад опустился на диван. – Слабак, отключился.

Эдельби, казалось, и в самом деле вырубился. Такое иногда случается, мозг просто не в состоянии воспринять ужас и боль, срабатывает защитный механизм, и сознание отключается.

– Хватит, я сказал! – проговорил Бахтияр в адрес сопящего над распластанной на столе девочкой белобрысого.

– Капитан, хоть кончить-то дай! – прозвучал в ответ возглас.

– Ты не в бордель пришел! Ты на службе! Тебе не за это деньги платят! – Тот, кого уже успели назвать и капитаном, и Бахтияром, тот, кто сам себя назвал Шайтаном, выхватил пистолет из кобуры. – Одному из вас член отстрелю! Раз, два...

«Три» так и не прозвучало. Белобрысый и двое подручных, державших девушку, отскочили от нее. Динара издала стон, сползла со стола на пол. Глаза ее были безумными, она пыталась прикрыться обрывками платья, причитала и тоненько подвывала:

– Жить не хочу, не хочу...

– Нет проблем, – проговорил сквозь зубы Бахтияр и выстрелил в Динару.

Он немного постоял, глядя на то, как пороховой дым тонкой струйкой стекает из ствола «табеля».

– А с этим что делать? – спросил белобрысый, глядя на Авада и одновременно торопливо застегивая штаны.

– Всех вытащить на улицу, уложить рядом на тротуаре, а его привяжем к ограде дома и выпустим кишки. Рядом повесишь картонку с надписью: «Враг сирийского народа». Только ошибок не наделай. Все должны знать, что случается с родственниками оппозиционеров.

– Где я картонку возьму? Чем писать?

– Об этом я думать должен? Не видишь, дети в доме есть – значит, и краски найдутся, и бумага для рисования! Выполняй, лейтенант!

На самом деле Авад все слышал и даже кое-что видел сквозь неплотно прикрытые веки. На удивление, мысль работала четко. Он, конечно же, понимал, что произошло, но как-то отстраненно, словно все, что случилось, случилось не с его семьей, а с чужими людьми. Возможно, мозг избрал именно эту тактику восприятия событий, ведь по-другому нормальный человек просто сошел бы с ума. Ведь Эдельби не мог повернуть события вспять, не мог оживить близких ему людей.

Убийцы пока не обращали на него особого внимания, копошились в доме, разыскивая альбом для рисования и краски. Но об уготованном ему будущем Авад знал. По-русски немного понимал, чего не понял, то домыслил. К тому же среди торговцев на рынке ходили слухи о действующих в Сирии «эскадронах смерти» – группах иностранных наемников, расправляющихся с противниками президента.

Поэтому, когда за стеклянной дверью, ведущей на террасу, появились два световых пятна – фары проезжающей по улице машины, Авад вскочил с дивана и побежал. Он даже не стал терять время на то, чтобы открыть запертую на защелку дверь, просто пролетел сквозь стекло, сломав тонкий деревянный переплет.

Вслед ему полетел мат, хлопнул выстрел. Эдельби перескочил через ограду. Ему повезло, небольшой грузовик уже миновал его дом, но как раз сбавил скорость, впереди виднелся нерегулируемый перекресток. Водитель боялся столкнуться с другой машиной. Авад ухватился за борт, подпрыгнул и перевалился в кузов, забитый домашним скарбом. Он оказался вжатым между бортом и большим мешком с одеждой. Водитель не заметил, что у него появился новый пассажир.

Бахтияр с подручными выскочил на улицу. Вслед грузовику захлопали выстрелы. Водитель, естественно, не стал останавливаться, а только прибавил газу и погасил фары с габаритами. Силуэт машины растворился в темноте, о его существовании напоминал лишь затихающий вдали гул двигателя. Гнаться за ним не стали.

– Может, он не в машину заскочил, а по улице рванул? – предположил белобрысый, пряча пистолет в кобуру.

– Может, и на улицу, – согласился тот, кого называли капитаном. – Один хрен. Повезло дураку, пусть живет. Те, кому надо, и так все поймут. – Он обернулся и посмотрел на дом.

За разбитой дверью ярко горел верхний свет, цветными сполохами экрана давал знать о себе работающий телевизор...

Грузовик военного образца неторопливо развернулся на улице и с включенными фарами покотил в сторону Дамаска.

Аваду Эдельби в самом деле повезло, если это слово уместно в отношении человека, пережившего и даже видевшего собственными глазами гибель всей своей семьи. Грузовичок, на который ему удалось забраться, вез беженцев из Дамаска. Жители столицы спешили укрыться от беспорядков в спокойной Турции. На следующий же день Авад оказался в лагере для сирийских беженцев, а вечером интервью с ним уже показали на большинстве арабоязычных каналов.

Глава 6

В кабинете командира части, в которой служил на должности комбата майор Лавров, царил полумрак. Шторы были задернуты, загораживая поволжский пейзаж. Работал подключенный к средним размеров плазменному экрану ноутбук. За столом для совещаний сидели двое: выдернутый с проведения занятий по прыжкам с парашютом майор Лавров в камуфляже и седовласый мужчина с военной выправкой, но в штатском костюме. Приехал он сегодняшним вечером, после чего и последовал срочный вызов Лаврова в штаб. Командир части лишь познакомил майора с высокопоставленным гостем из ГРУ и тут же уступил им свой кабинет для беседы. Вот и сидели они теперь, смотрели на экран, где прокручивалась запись, сделанная с телеканала «Аль-Джазира». Пальцы человека из ГРУ водили по коврику мышки.

Сирийский торговец Авад Эдельби рассказывал на камеру трагическую историю недавней гибели своей семьи. Иногда в кадре возникал корреспондент – журналист с сочувственным видом кивал. Оригинальный арабский текст звучал приглушенно, его перекрывал голос переводчика на русский. В принципе, Лавров мог бы слушать и в оригинале. Сирийский диалект арабского он понимал неплохо, но, раз уж перевели, можно и так послушать.

– ...они убили их всех у меня на глазах, – прозвучал бесстрастный голос переводчика-синхрониста.

Слова не могли передать и сотой части тех эмоций, которые бушевали в душе несчастного сирийского торговца. Авад запнулся, беззвучно зашевелил пересохшими губами. Чья-то заботливая рука со стаканом воды возникла в кадре. Эдельби промочил горло, откашлялся.

– Вы видели убийц. Кто они? – спросил корреспондент.

– ...это не сирийцы, не арабы... Говорили между собой по-русски. Выглядят как европейцы. У них главный хорошо говорит по-нашему. Они его капитаном называли, а еще Бахтияром. У него здесь татуировка. – Авад отвернул манжет рубашки и стал хлопать по запястью.

– Вот такая? – корреспондент продемонстрировал рисунок со схематическим изображением эмблемы ВДВ.

– Такая, такая, – закивал Авад.

– Это он, тот, кого называли Бахтияром, насиловал вашу дочь?

– Нет, над ней надругался другой, беловолосый... – У Авада запершило в горле, он отвернулся от камеры, приложил ладонь к глазам. – Простите, я больше не могу говорить, – его душили рыдания.

Телеоператор профессионально укрупнил план, на весь экран показывая то, как между неплотно сведенными пальцами Эдельби текут слезы. Следом возник интерьер студии, тот же самый журналист сидел напротив эксперта-политолога.

– Что бы вы могли добавить к своему выступлению, прослушав слова этого несчастного? – поинтересовался ведущий.

– Его слова подтверждают слухи. На стороне существующего режима действуют банды наемников, которые в народе уже прозвали «эскадронами смерти». Действуя абсолютно незаконными, бесчеловечными методами, они жестоко расправляются с противниками Асада, в назидание другим несогласным убивают даже родственников активистов оппозиции. По большому счету, это не новость. Многие тоталитарные режимы прибегают к такой практике. Сенсационным же является то, что на этот раз мы имеем дело с российскими наемниками, прошедшими профессиональную подготовку в элитных войсках спецназа ВДВ. Открытым остается вопрос: оказались они в Сирии с согласия властей Российской Федерации, или же они вольные «искатели удачи», уволенные из армии?

Палец над ноутбуком дрогнул, ударил в «коврик», запись прервалась. Седовласый внимательно посмотрел на Лаврова.

– Почему вы именно мне показали эту запись? – спросил майор, не дожидаясь, пока пауза станет слишком долгой.

– Ну как же? Ведь со слов этих журналистов получается, что это ваши коллеги, офицеры спецназа ВДВ зверствуют.

– Через десантуру прошли тысячи советских и российских мужчин. Но уроды найдутся в любом окружении. Не могу исключать, что один из них мой воспитанник. В спецназе, кроме любви к Родине, чувству долга и офицерской чести, еще учат выживать и убивать. Ученики попадают разные, кто-то больше успевает по одному предмету, кто-то по другому.

– Вас не насторожило то, что главаря наемников его подчиненные называли Бахтияром?

– Бахтияр – довольно распространенное среди мусульманских народов имя. Если не ошибаюсь, оно означает «счастливый». Вот и называют родители так мальчиков. Каждому хочется верить, что его ребенок обретет счастье. А там, как уж жизнь сложится. – Лавров почувствовал, что от него ожидали более конкретного ответа. – Чаще всего это имя встречается у татар и азербайджанцев.

– Значит, имя не насторожило. А если предположить, что Бахтияр не имя, а кличка?

– Может быть, и так.

– Хорошо, майор. К этому мы вернемся чуть позже. А что вас однозначно насторожило? – Седовласый поигрывал пальцами над «ковриком мышки». Лавров пожал плечами:

– Во-первых, судя по рассказу торговца, бойцы «эскадрона смерти» не прятались, действовали почти в открытую и практически не пытались задержать грузовичок, на котором ему посчастливилось удрать.

– Им платят за проведение акций устрашения, за показательные расправы и убийства. Они же наемники – иностранцы, им в Сирии не жить, у них тут нет родственников и друзей, они действуют по негласному распоряжению властей. Чего им опасаться?

– Разрешите не согласиться. Если торговец не ошибся, то их главарь говорил на сирийском диалекте арабского почти без акцента. Значит, жил до этого в Сирии довольно долго, минимум несколько лет, его могут опознать. С другой стороны, показная жестокость – демонстрационная, они специально не прячут лиц, получается, что и отца семейства упустили намеренно, чтобы он рассказал о том, что случилось. И в этом – нестыковка.

– Очень хорошо, товарищ майор, ваши выводы совпадают с выводами наших аналитиков, – оживился седовласый.

– И вторая нестыковка, самая главная, – продолжал излагать свои сомнения Батяня. – Почему наемники – именно русские?

– Русские – в смысле выходцы из России, из бывшего СССР, – корректно уточнил чин из ГРУ. – Все-таки Бахтияр не русское имя. Могу подсказать ответ. Высокий уровень подготовки.

– В этом вы правы. Но российский наемник в настоящее время – дорогой наемник. Тысячу зеленых он и на Родине легко заработает. Его услуги стоят несколько десятков тысяч. А ведь для убийства гражданских хорошей подготовки и не требуется. Почему бы в «эскадроны смерти» не набрать наемников-негров из бедных африканских стран? Эти ребята после Ливии остались без работы. Они и за двести долларов в месяц с песнями и плясками подраются резать и детей, и женщин.

– Темнокожие в военной форме – не характерная часть сирийского населения. Можно сказать, чужеродная.

Лаврова немного покорило, что седовласый даже в беседе один на один избегает безобидного в русском языке слова «негр».

«Вот же, – подумал Батяня. – Матом загнать он может, а «негр» произнести у него язык не поворачивается. Да, вирус политкорректности проник и в ГРУ».

– Так и русские – чужеродная часть сирийского населения, – возразил он. – Их местные за километр от своих отличат.

– И тут ваши выводы совпадают с выводами моих аналитиков, – почему-то обрадовался седовласый.

Андрея начало раздражать, что ему не говорят четко и однозначно, а беседа идет постепенно и намеками, в таком алгоритме, если бы его подготавливали – собирались сообщить про смерть близкого человека.

– Подброшу еще факт, – седовласый стал предельно серьезным. – Имеется информация, что командир «эскадрона смерти» Бахтияр – не кто иной, как ваш бывший сослуживец капитан Бахтияров, Дениз Русланович. С которым вы...

– Этого не может быть, потому что не может быть никогда! – тут же отмел это предположение Батяня. – Дениз не из тех, кто убивает детей.

– Вы сами говорили, что в спецназе, кроме всего прочего, учат убивать, – напомнил седовласый.

– Да он себя не пожалел, на верную смерть пошел, чтобы ребят спасти. Он герой! – возмутился Лавров. – Ведь тогда...

– Я знаю о том случае, именно поэтому наш выбор и пал на вас, – прервал Андрея седовласый. – К сожалению или к счастью, но совершать героические поступки способны и недяди. Вспомните Адольфа Гитлера: он в Первую мировую войну еще ефрейтором заслуженно был награжден Железным крестом. Чем не герой?

– Никогда не поверю. Я за Бахтиярова, как за самого себя, поручиться могу, – убежденно произнес Батяня.

– Но вы с ним давно не виделись. Десять лет, если не ошибаюсь... Больше? Тем более. Время меняет людей. Посмотрите вот это! – Плазменный экран на столе командира части ожил, когда седовласый ударил пальцем по «коврику» на ноутбуке, ударил и тут же стал комментировать:

– Я бы тоже не стал подозревать Бахтиярова, если бы не видео, заснятое камерой банкомата, установленного напротив дома, в котором жила семья Авада Эдельби. Главарь «эскадрона смерти»...

Лавров видел, как мужчина в камуфляже подходит к банкомату, набирает код, ждет, когда аппарат отсчитает ему деньги...

– У капитана Бахтиярова было сильно изранено лицо, – глухо проговорил Батяня. – Хирург ему практически «слепила» новое. После этого я встречался с Денизом всего несколько раз, фотографий он мне не дарил, но похож, очень похож.

– Вглядитесь, это важно. Из всех фотографий с его новым лицом в нашем распоряжении есть лишь пара небольших снимков с документов десятилетней давности. Мне не меньше вашего хочется верить, что это не Бахтияров, но факты – вещь упрямая.

– Остановите кадр. Можно укрупнить?

– Пожалуйста. Разрешение позволяет.

Лицо мужчины укрупнялось, заполняло весь экран, затем на нем остались только глаза. Седовласый знал, что именно интересует Батяню. На Лаврова смотрела пара разноцветных глаз: один пронзительно синий, второй – зеленый. Все совпадало: Сирия, татуировка ВДВ, лицо, а главное – глаза... Андрей вынужден был произнести:

– Получается, это он. Ошибки быть не может? Дата записи – не монтаж? Может, эта запись с другого банкомата или сделанная в другое время?

– Мы получили ее по своим надежным каналам, – строго сказал седовласый. – Запись подлинная. – А затем окончательно добил Лаврова: – Банковская карточка, которой он пользовался в этот раз, эмитирована на имя Анны Стрельцовой. У вас еще остались сомнения?

– Сомнения всегда остаются, – вздохнул Батяня. – Теперь понятно, почему вы не сразу перешли к конкретике. Понимаю, что вам известно больше, чем только последний эпизод. Я слушаю.

– Полгода тому назад Дениз Бахтияров загадочно исчез из Дамаска, вроде бы у него начались разногласия с начальством, поссорился с женой, бросил работу. Накоплений у него не было. Значит, лишился средств к существованию. Потом возле него появились... подозрительные личности. Вот и получается, что он вполне мог поступить на преступного рода службу, найти людей, натренировать их и...

Лавров слушал, стараясь отстраниться от того, что речь идет о его друге, он просто сканировал сознанием информацию и уяснял задачи.

Седовласый тем временем продолжал:

– ...Я не знаю мотивов, какие побудили капитана Бахтиярова к подобным действиям: бедность, шантаж, жажда наживы... Короче говоря, наш выбор пал на вас, поскольку вы знаете его привычки, предпочтения, наклонности, приемы и манеру ведения боя. Вы, возможно, единственный человек, к мнению которого он еще сможет прислушаться, единственный человек, в которого он не выпустит пулю мгновенно, а задумается перед этим. Вы согласны со мной?

Лавров кивнул:

– Какова цель задания?

– Тайно десантироваться в Сирии, захватить и доставить Бахтиярова в Российскую Федерацию. А уж тут он все сам расскажет и объяснит! Постарайтесь захватить и доставить его именно живым.

– Где его стоит искать в первую очередь?

– По данным спутниковой разведки, в районе Пальмиры. – Седовласый сделал паузу, видимо, собираясь пуститься в пояснения. Но Лавров его удивил:

– Я знаю, о чем идет речь. Это развалины гигантского древнеримского города, – произнес Батяня.

– Верно. Итак, в районе Пальмиры замечен какой-то лагерь, его появление и регион совпадают с активизацией действий «эскадрона смерти». Плюс там машины и так далее. Пальмира издавна считалась закрытым районом, сюда возили под охраной только туристов, сами сирийцы из Дамаска должны были получать на его посещение пропуск. Есть большой процент вероятности, что тут и расположен лагерь «эскадрона смерти». В народе его командир уже заслужил кличку Шайтан. Вы должны подобрать себе трех-четыре человека. Спортивная «Сессна» в Турции уже зафрахтована. В случае чего всегда можно сослаться, что отказали приборы и вы сбились с курса.

– Легендирование?

– В контексте того, что творит «эскадрон смерти», нашим дипломатам только покрывать и вытаскивать российских десантников не хватало. Никакого легендирования! В случае провала МИД РФ будет стоять на том, что таких людей в ВДВ нет и не было.

– С этим понятно. Придется самим наемниками прикидываться... Тех, кто отправится со мной на задание, я смогу назвать через пару часов, – Лавров кивнул. – Но давайте вернемся к видеозаписи. Чем вы можете объяснить то, что главарь «эскадрона» в самый неподходящий момент, зная, чем ему предстоит заняться, сам пошел снимать деньги с карточки своей жены, а не послал к банкомату одного из своих головорезов? Такое впечатление, что он умышленно позировал на камеру наблюдения. Зачем ему это? Бахтияров же не дурак. Попахивает провокацией.

– Я согласен, похоже на провокацию, на умелую режиссуру. Кому выгодна такая ситуация: русские спецназовцы воюют в качестве наемников, чинят зверства, убивают мирных жителей? При этом распространяются слухи, что действуют они если и не как командированные российскими властями, то с прямого их согласия.

– А если этот вопрос будет вынесен на заседание Совбеза ООН? – вопросом на вопрос ответил Лавров.

– Эту фразу вы у меня с языка сняли. Теперь вы понимаете, как много поставлено на кон?

– Я сделаю все, чтобы отыскать его и доставить в Россию, – пообещал Лавров. – Разрешите? – Он придвинул к себе лист бумаги и стал записывать фамилии тех, кого собирался включить в состав группы.

Глава 7

Перелет в Турцию был вообще-то больше похож на туристическую прогулку. Ни оружия, ни оборудования с собой не брали, все необходимое предстояло получить на месте. Группа из четырех российских спецназовцев преспокойно долетела charterным рейсом до Анталии. Вместо обычного трансферного автобуса их встретил потрепанный джип. Здесь было раннее утро – солнце только выглянуло из-за горизонта, что служило дополнительной защитой от посторонних глаз. Лавров и его люди забросили в багажное отделение сумки, и машина покатила по шоссе вдоль Средиземного моря.

Батяня подбирал группу не только исходя из чисто боевых способностей. Главным критерием была уникальность. Так, старлей Виктор Литвинов прекрасно говорил на сирийском диалекте арабского языка, да и внешностью вполне мог сойти за местного жителя. Это могло пригодиться при контактах с населением. Капитан Алексей Павлов был «богом» от подрывного дела. При необходимости мог не только ювелирно подорвать любую конструкцию, но и соорудить мину практически из подручных средств. Как он сам любил шутить, для этого ему будет достаточно бутылки растительного масла, пачки макарон, десятка коробков спичек, куска веревки и немного фантазии. Прапорщик Дмитрий Федосеев был виртуозом-снайпером – тоже неоценимое умение в диверсионных операциях. О нем ходила легенда, что Федосеев видит даже в крошечной темноте.

Люди, не сомневаясь, согласились участвовать в операции, ведь возглавлял группу сам легендарный майор Лавров.

Проехав по широкому прибрежному шоссе на восток километров двести, джип свернул с асфальта и ушел в сторону гор. Пейзаж оставался прежним, но вот составляющие этого пейзажа менялись довольно быстро и радикально. Практически исчезли поблескивающие тонированными стеклами туристические автобусы, впрочем, как и реклама на русском и английском. Теперь в придорожных поселках можно было увидеть только турецкие вывески. Жители одевались заметно беднее своих сограждан на побережье, ездили в основном не на новеньких машинах, а на старье. Короче, перед российскими спецназовцами открывалась не испорченная туристическими деньгами Турция, а реальная, живущая будничной жизнью. Местные парни, может, и мечтали устроиться на работу в гостиницы для иностранцев, но продолжали трудиться в поте лица на поле, в автомастерских, где воскрешали «убитые» машины и потрепанные трактора.

Впрочем, все эти нюансы Лавров отмечал в своем сознании лишь пунктирно, по привычке. Раньше в Турции ему действовать не приходилось, а потому стоило немного присмотреться к реалиям здешней жизни. Никогда не знаешь, куда тебя занесет в следующий раз.

Джип свернул на горный проселок и вскоре оказался на небольшом плато, где располагался частный аэродром. У самого обрыва серел возведенный из нештукатуренных пеноблоков ангар. Высилась обязательная мачта с длинным полосатым «сачком». На выгоревшей от солнца траве стояли два самолета: белая двухмоторная «Сессна» и старый биплан неопределенно пыльного цвета. Водитель заложил по летному полю большой круг и заехал в раскрытые ворота ангара, выждал, пока пассажиры выгрузятся, и тут же укатил. Только когда пыльный след за ним развеял ветер, из полумрака ангара вышел все тот же седовласый гэрэушник. Вот кого Батяня меньше всего ожидал здесь увидеть – думал, что последний инструктаж проведет один из его помощников. Седовласый поздоровался за руку с каждым из десантников, а затем перешел к делу.

Прежде всего российским спецназовцам следовало переодеться в камуфляж натовского образца, но без знаков различия. Аккуратно сложенные комплекты, подобранные по размеру, рядком были уложены на длинной скамье, тут же находилось и личное оружие.

– Рюкзаки жизнеобеспечения, боеприпасы, оборудование, квадроциклы, на которых вам предстоит передвигаться в районе высадки, все уже погружено в самолет. Контейнеры ударопрочные... – скороговоркой напоминал седовласый. – Связь с вами буду осуществлять отсюда...

Через полчаса десантники уже садились в самолет. В салоне было тесно. Сиденья пришлось демонтировать, четыре контейнера хоть и были компактными, чтобы их можно было сбросить через стандартный люк, но занимали много места.

Куратор операции напоследок взмахнул рукой, воздушный поток накатил на него, взъерошил седые волосы. Самолет разогнался и легко взмыл в небо. За иллюминаторами поплыли горы. Батяня расстелил на контейнере карту. Десантироваться предполагалось в двадцати километрах западнее Пальмиры, чтобы остаться незамеченными для наблюдателей с предполагаемой территории базы «эскадрона смерти», а затем ночью выдвинуться к ней и произвести разведку. Спутниковый мониторинг, конечно, дело хорошее, но стоит посмотреть и своими глазами.

– Мужики! – очень уж по-свойски отозвался пилот. – Скоро пересекаем границу и входим в сирийское воздушное пространство, так что будьте наготове, план планом, но могут возникнуть неожиданности.

Самолет снизился, чтобы стать максимально недоступным радарам приграничных сил ПВО с обеих сторон. Теперь горные вершины проносились прямо за иллюминаторами. Машина шла вдоль невысокого хребта, прячась в его тени. Минута, другая, пятая...

– Порядок, границу прошли, теперь набираем высоту, – пилот обернулся к десанникам. Еще полчаса полета и...

В этот момент замигала на пульте индикаторная лампочка, противно загудел зуммер.

– Черт! – выругался пилот. – Попали-таки в зону действия радара.

Вскоре прилетел и вызов по рации. Пилот, посерьезнев, повел переговоры с сирийским военным диспетчером. Десантники молча ждали их результатов, поглядывали в иллюминаторы. Самой гнусной перспективой могло быть появление истребителей, которые заставили бы «Сессну» приземлиться на своем аэродроме. Вот тогда бы и пришлось объяснять, почему на борту оказалось оружие. Но пока пилот терпеливо общался на английском с диспетчером, для которого этот язык тоже не был родным, самолетик продолжал лететь на юг, приближаясь к точке высадки.

Наконец пилот отключил рацию и повернул к десанникам вспотевшее от напряжения лицо.

– Повезло, поверили, что мы просто сбились с курса, – улыбнулся он. – Несколько минут я вам отыграл, по крайней мере, от границы ушли. Но дальше в глубь территории лезть нельзя, я должен срочно возвращаться. Так что десантироваться придется где-то здесь, дойти до цели нам не дадут, а второго захода не будет.

Батяня торопливо зашелестел картой. Район показался ему вполне приемлемым для высадки. Крупных населенных пунктов поблизости нет, как и оживленных дорог. Десантирование должно пройти вполне безопасно, если даже кто-то и заметит парашюты, то пока будут сирийские военные, группа успеет отойти на квадроциклах далеко. А там – ищи ветра в поле. Плохо только, что расстояние до цели будет не двадцать километров, а минимум сто – Пальмира далеко от границы, чуть ли не в центре страны. Впрочем, топлива квадроциклам в одну сторону должно хватить в любом случае. А там видно будет...

– Высаживаемся вон там, перед той грядой, – указал рукой Батяня.

Лаврову пришлось войти в положение пилота, ведь тому нужно было создавать видимость, будто он просто разворачивается, оператор радара наверняка придирчиво и подозрительно анализировал траекторию полета «Сессны».

Самолет, продолжая разворот, набирал высоту. Ветер врвался в раскрытый люк. Первыми ушли за борт контейнеры. Внизу хлопнули, раскрываясь, купола грузовых парашютов. Лавров покинул борт самолета последним. «Сессна», качнув крыльями, ушла назад – в сторону Турции.

И тут все пошло не так гладко, как надеялся Батяня. Оказалось, что ближе к земле дует порывистый южный ветер. И если десантники еще могли справиться с ним, управляя парашютами с помощью строп, то контейнеры были послушны воле стихии. Купола грузовых парашютов несло прямо на крутой каменистый склон холмов.

Лавров стал делать знаки своим товарищам, что терять контейнеры из виду нельзя. Теперь майор не старался скорее уйти к земле, он поймал восходящий поток и поплыл вслед за контейнерами, надеясь на то, что их не разобьет о скалы. И тут ветер смиростивился над десантниками. Поток воздуха поднялся вдоль склона и подхватил купола грузовых парашютов. Контейнеры один за другим благополучно миновали гребень холмов и ушли за него. Батяня привычно потянул стропы, направляя свой парашют следом за ними. Но как только за гребнем открылся пейзаж, лежавший по другую сторону, Андрей длинно и забористо выругался.

Вдоль склона вилась грунтовая дорога, по ней, пыля, двигалась колонна грузовичков и легковых автомобилей. Всего он насчитал десять машин, по самый верх забитых домашним скарбом. С первого взгляда было понятно, что это беженцы, направляющиеся к турецкой границе. Скорее всего, они посчитали, что на шоссе их остановит и развернет назад полиция. А здесь, на разбитой каменистой грунтовке, на краю пустыни, меньше шансов встретить армейские или полицейские посты.

Один из контейнеров уже опустился на землю – прямо посреди дороги. Парашют еще трепыхался на ветру, хлестал по скале, перегораживая проезд. Колонна остановилась, из машин высыпали люди и с тревогой стали всматриваться в небо – и в таинственных парашютистов.

Не оставалось ничего другого, как поспешить приземлиться и десантникам. Лавров мастерски коснулся ногами земли неподалеку от злосчастного контейнера на дороге, мигом погасил и сбросил парашют. Его товарищи уже спешили к нему.

– Товарищ майор, что делать будем? – Литвинов тревожно косился на пялившихся на них сирийцев, в руках у двух мужчин уже чернели старые карабины.

– А что тут сделаешь? Засветились мы самым бездарным образом, – с досадой проговорил Андрей, забрасывая автомат за спину.

– Кажется, они нас боятся, – предположил Павлов.

– Ясное дело. И ты бы боялся на их месте, – согласился Федосеев.

Лавров уже мысленно «разрулил» ситуацию. Сложной она казалась лишь на первый взгляд. Беженцы не бросятся сообщать сирийским властям о десанте. У них другая забота – скорее свалить в мирную Турцию. Так что нужно просто поскорее расходиться в разные стороны, к общему удовольствию.

– Навалились! Дорогу освобождаем! – Андрей, подавая пример, уперся в контейнер.

Общими усилиями десантники быстро столкнули контейнер с дороги и погасили купол грузового парашюта. Лавров, словно дорожный регулировщик, замахал рукой, показывая, что путь свободен и колонна может следовать дальше. Сирийские мужчины, посоветовавшись, спрятали древние карабины. Зафыркали моторы, колонна осторожно поползла мимо десантников. За стеклами кабин блестели любопытные глаза. Мужчин было мало – в основном водители. Остальные – женщины и дети.

«Ну, вот и все. Инцидент исчерпан», – подумал майор, когда к нему приближалась последняя машина колонны.

Но оказалось, что не исчерпан. Скрипнули тормоза микроавтобуса, с пассажирского сиденья рядом с водителем выглянул старик интеллигентной внешности – такие всегда в оппозиции к власти, все равно какой режим в стране.

– НАТО? – с надеждой в голосе спросил он.

– НАТО, НАТО... – охотно согласился Лавров.

Ему было все равно, за кого сейчас эти люди принимают его группу, лишь бы ненужные свидетели побыстрее свалили в Турцию.

– НАТО! – радостно воскликнул старик, явно в душе надеясь, что Запад наконец-то пришел сирийской оппозиции на помощь.

– НАТО... коммандос.

Лавров специально добавил это знаковое слово, надеясь, что старику хотя бы из фильмов известно о том, что коммандос на задании дано право физически уничтожать свидетелей, случайно столкнувшихся с ними. Для пущей убедительности он провел ладонью по горлу и тут же замахал рукой, мол, проезжайте скорее.

Старик по-своему истолковал этот жест. Он повторил его, затем указал рукой в сторону Дамаска и, сияя, добавил:

– Башар Асад... – На секунду старик задумался, подыскивая нужные английские слова, и с чувством произнес: – Маст дай, – после чего приложил палец к губам, мол, и под пытками про вас никому не скажу.

Машина тронулась с места и вскоре уже пылила в составе колонны беженцев.

– Чего он сказал? – поинтересовался Литвинов.

– Насколько я знаю разговорный английский, – ответил Батяня, – «must die» по-нашему значит «должен умереть».

– «Шоб он сдох», короче говоря, – упростил Федосеев. – Сильно не любит дедуля своего президента.

– Это ж чего он потом, когда в Турцию доберется, рассказывать станет, а? Типа, НАТО десант высадили, чтобы Асада грохнуть? – ухмыльнулся капитан Павлов. – Главное, что не понял, кто мы такие и зачем тут появились.

– Пусть рассказывает, что хочет, только нам нужно побыстрее убраться с места высадки. Мы и так выбились из графика.

Парашюты и разобранные на плоскости контейнеры затолкали в расщелину и наспех забросали камнями. Маскировка слабая, но с дороги не видно, если неделю никто не заметит, то и сойдет. Батяня был уверен, что с заданием справится гораздо раньше.

Груз распределили поровну между всеми членами группы. Лавров не стал рисковать – группа не пошла по грунтовке. Где прошла одна колонна беженцев, вполне может встретиться и другая. Не хотелось пережить еще одну неожиданную встречу. Поэтому квадроциклы поползли по тропе, петлявшей в холмах. Чуть заметные следы конских копыт вселяли надежду – где конь пройдет, там и квадроцикл проберется.

Майор начал прикидывать, удастся ли выйти засветло к заданной точке в двадцати километрах от Пальмиры. Пока выходило, что получится. Но тут впереди по курсу из-за холмов раздалась автоматная очередь, за ней вторая.

– Салют не в нашу честь? – поинтересовался Литвинов.

– Кажется, нет – далековато. – Батяня остановил квадроцикл и развернул карту.

Судя по звуку, стреляли на той самой дороге, по которой ушла колонна беженцев. Как назло, грунтовка, извиваясь среди холмов, разворачивалась здесь чуть ли не на 180 градусов. И хотя потом она снова возвращалась на прежний курс, но путь десантникам не пересекала – добрых полкилометра дорога шла вдоль крутого склона, по гребню которого предстояло пройти группе Батяни. И обходного пути не было.

– Наша дорожка идет в том направлении, по-любому не разминемся, – подсказал Федосеев.

– Нас местные разборки не касаются. Если что – переждем. Мне до фонаря, кто здесь за кого. – Лавров на малых оборотах двинул свой транспорт вперед.

– Типа, мы в политику не вмешиваемся. Разумно. На инструктаже нам то же самое говорили, – согласился Литвинов, но ему никто не ответил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.